

Глава 1

Высокий темноволосый мужчина стоял у окна фешенебельной квартиры в пентхаусе*, отрешенно глядя с высоты небоскреба на панораму мерцающих огней ночного Сент-Луиса. Горечь и усталость сквозили в резких движениях Рамона Гальварры, когда он, дернув за узел, ослабил галстук и, подняв бокал скотча, одним глотком почти осушил его.

В тускло освещенную гостиную стремительно ворвался взволнованный молодой блондин.

— Ну, что они там решили, Рамон? — нетерпеливо спросил он.

— А ты как думаешь? — огрызнулся Рамон. — Своя рубашка ближе к телу, дорогой Роджер.

— Вот сволочи! — взорвался Роджер.

В бессильной ярости он запустил руку в волосы, затем решительно шагнул к бару.

— Думают, пока старый черт был с тобой, деньги сыпались сами! — Роджер со злостью плеснул в бокал бурбон.

— Что ж, тут они принципиальны, — саркастически заметил Рамон. — Если бы золотой дождь продолжался, они стояли бы за меня горой.

Роджер щелкнул выключателем: при виде мебели в стиле Людовика XIV его передернуло. Сейчас она казалась насмешкой.

* Пентхаус — постройка на крыше небоскреба.

— Если бы ты только рассказал, в каком состоянии был отец перед смертью... Я уверен, банкиры поддержали бы тебя. Нельзя же валить на тебя все его грехи!

Отвернувшись от окна, Рамон прислонился плечом к оконной раме, какое-то мгновение смотрел на оставшийся в бокале скотч, затем залпом допил его.

— Но я же не помешал ему грешить.

— Не помешал! — яростно повторил Роджер. — Да как ты мог все предвидеть?! Этот человек всю жизнь вел себя как Господь Бог, а под конец, кажется, в самом деле себя им вообразил! Глупость за глупостью, пока все не пошло коту под хвост! Ну хорошо, пусть бы ты оказался ясновидящим! Что ты мог сделать? Контрольный пакет акций — у него, а не у тебя. До последнего дня он распоряжался всем в корпорации единолично. У тебя руки были связаны.

— Теперь развязаны, ну и что? — Рамон пожал плечами.

— Слушай, — в голосе Роджера звучало отчаяние, — я не заводил этот разговор раньше, чтобы не задевать твою гордость, но ты же знаешь, я далеко не беден. Сколько тебе нужно? Если у меня нет таких денег, может быть, я смогу достать.

Впервые за это время безжалостно-властное лицо Рамона Гальварры — холодный слепок древнего испанского благородства — смягчилось. Он улыбнулся одними глазами:

— Миллионов пятьдесят помогли бы, а лучше — семьдесят пять.

— Пятьдесят миллионов? — растерянно повторил Роджер, уставившись на своего старого приятеля по гарвардской студенческой скамье. — Помогли бы... или спасли бы?

— Помогли бы, Роджер. Не очень сильно.

Резко поставив бокал на мраморный стол, Рамон повернулся и направился в комнату, которую он занимал с того дня, как на прошлой неделе появился в Сент-Луисе.

— Рамон, — озабоченно произнес Роджер, — тебе нужно встретиться с Сидом Грином, пока он здесь. Он сможет достать эту сумму, если захочет, и к тому же он тебе обязан.

Голова Рамона резко дернулась. Его лицо исказила гримаса.

— Если бы Сид хотел помочь, он связался бы со мной. Он знает, где меня искать. Что я в затруднительном положении, он тоже знает.

— Ты уверен? До сих пор ты хранил в тайне, что корпорация терпит крах.

— Знает, будь спокоен. И вместе с правлением банка не хочет, чтобы мне продлевали выплату ссуды.

— Но...

— Нет! Если бы Сид хотел помочь, он не бездействовал бы так красноречиво. Просить я не стану. Через десять дней я собираю аудиторов и адвокатов корпорации в Пуэрто-Рико и объявляю о банкротстве.

Повернувшись, Рамон стремительно вышел из комнаты, с трудом сдерживая гнев.

Когда он вернулся, его густые черные волосы были влажны после душа. На нем были старые потертые джинсы. Роджер молча смотрел, как Рамон закатывает рукава белой рубашки.

— Рамон, пожалуйста, задержись на неделю. А вдруг Сид что-нибудь предпримет? Кажется, его сейчас и в городе нет.

— Он в городе, а я уезжаю в Пуэрто-Рико через два дня. Это решено.

Роджер тяжело вздохнул:

— Какого черта ты собираешься делать в Пуэрто-Рико?

— Нужно проследить за банкротством корпорации, а потом я займусь тем же, что делали мои предки, — нехотя ответил Рамон. — Я собираюсь обрабатывать землю.

— Ты в своем уме? — вспыхнул Роджер. — Обрабатывать клочок земли? Уж не та ли это лачуга, где мы с тобой однажды развлекались с девочками?

— Довольно! — прервал Рамон. — Этот клочок земли — все, что у меня есть. Вместе с домом, в котором я родился.

— А что с домом около Сан-Хуана, виллой в Испании, что с островом в Средиземном море? Продай один из домов или остров — и будешь купаться в роскоши до конца дней своих.

— Они проданы с аукциона, иначе корпорация не смогла бы возместить ущерб. А банки, которые ссужали деньги, кружат, как стервятники.

— Черт бы все побрал! — беспомощно пробормотал Роджер. — Если бы твой отец не умер, я бы сам его придушил.

— Боюсь, тебя бы опередили акционеры, — горько усмехнулся Рамон.

— Как ты можешь острить, как будто это тебя не касается?

— Я уже смирился с поражением, — хладнокровно произнес Рамон, — я сделал все, что мог. И я не вижу ничего страшного в том, чтобы трудиться на своей земле, среди людей, которые веками работали на нашу семью.

Зная, что друг не выносит сантиментов, Роджер отвернулся, скрывая выражение лица:

— Рамон, я могу сделать для тебя хоть что-нибудь?

— Да.

— А что именно? — радостно спросил Роджер, бросая взгляд через плечо. — Давай говори, я все сделаю!

— Ты не смог бы дать мне на время твою машину? Я хотел бы поехать один.

Просьба была пустяковая — Роджер полез в карман и бросил ключи другу.

— Есть проблемы с подачей топлива и с фильтром, а ремонт сделают только через неделю. Так что, если тебе повезет, машина заглохнет посреди улицы уже сегодня вечером.

Рамон пожал плечами, его лицо было отрешенным.

— Если это случится — пойду пешком, нужно привыкать к сельской жизни.

— Слушай, не строй ты из себя бедного крестьянина! Ты был и остаешься крупной фигурой в международном бизнесе.

Рамон стиснул зубы, ему пришлось собрать всю свою волю, чтобы усмирить бушующую в нем ярость.

— Фигурой крупного неудачника. В международном бизнесе у меня теперь репутация неудачника, и этого мне не простят. Не попросить ли у друзей рекомендацию «великий неудачник»? А может, стоит прийти завтра на твою фабрику и подать заявление на работу в брючный цех?

— Не юродствуй! Но ты можешь что-нибудь придумать! Ты за несколько лет построил финансовую империю. Найди теперь способ спасти хотя бы ее часть. Мне не верится, что...

— Хватит с меня миражей! — отрезал Рамон. — «Лир» стоит в ангаре в аэропорту. Не в порядке один

из двигателей. Как только его починят и в воскресенье вечером вернется мой пилот, я улетаю в Пуэрто-Рико.

Роджер открыл рот, чтобы возразить, но Рамон взглядом заставил его замолчать.

— А возделывать землю, мне кажется, — это куда большая честь, чем иметь дело с банкирами. Пока мой отец был жив, я не знал мира в моей душе. Он умер, но я не нашел покоя. Теперь пришла пора поисков.

Глава 2

Ночью в пятницу огромный бар гостиницы «Глубокое ущелье» неподалеку от Восточного порта был, как всегда, полон.

Кэти Конелли рассеянно взглянула на часы и устремила взор поверх смеющейся, пьющей, болтающей толпы, отыскивая того, кого ждала. Но главный вход ей загораживали пышные растения, свисающие из огромных кашпо, и ручной работы макраме, бросавшие при свете шелковых ламп длинные тени от пола до витражных стекол потолка.

Улыбаясь, Кэти рассматривала окружающих.

Какой-то мужчина наступил Кэти на ногу, стараясь дотянуться до стойки бара. Затем он долго доставал из кармана монеты и отпихнул Кэти локтем. Мужчина не принес извинений, впрочем, она и не ожидала их. Здесь царило равноправие.

Отвернувшись от стойки с рюмкой в руке, мужчина заметил Кэти.

— Привет... — Он сделал паузу, бросив заинтересованный взгляд на стройную, гибкую фигуру

в облегающем голубом платье. — Неплохо, — сказал он, откровенно разглядывая ее.

Он обратил внимание на светлые волосы с отливом, волной спадающие на плечи, сапфировые глаза, оттененные длинными загнутыми ресницами, безупречный подбородок и аккуратный носик. И пока продолжал ее изучать, на персиковом лице Кэти проступил легкий румянец.

— Очень неплохо, — резюмировал мужчина.

Уставился как в магазине, даже не понял, что покраснела она отнюдь не от удовольствия! Впрочем, здесь, в конце концов, бар, а в баре своя этика.

— Где твоя рюмка? — поинтересовался он, лениво рассматривая ее красивое лицо.

— У меня ее нет, — ответила Кэти, утверждая очевидный факт.

— Почему?

— Я уже выпила две.

— Хорошо, почему бы тебе не взять еще одну и не пойти со мной вон туда? Я адвокат, — добавил он, словно сообщал что-то безумно приятное.

Кэти поджала губы и взглянула на него нарочито разочарованно.

— Что такое?

— Терпеть не могу адвокатов.

— Очень жаль, — пробормотал он ошарашенно.

Пожав плечами, адвокат повернулся и начал прокладывать себе путь в толпе. Кэти увидела, как он остановился возле двух очень привлекательных девушек. Обе поощрительно улыбнулись в ответ на оценивающий взгляд.

На нее нахлынуло отвращение к нему, ко всей этой шумной толпе и в особенности к себе — за то, что она находилась здесь. В душе Кэти была смущена своей грубостью, однако места, подобные этому,

вызывали необходимость защищаться, и ее природная деликатность испарялась, как только она переступала порог подобных заведений.

Адвокат, конечно же, мгновенно позабыл о Кэти. Да и зачем ему тратить впустую два доллара на выпивку, пытаться очаровывать ее! Зачем напрягаться, если в этом не было необходимости! Если бы Кэти или какая-нибудь другая девушка захотела познакомиться с ним, он был бы не против. Давайте, девушки, старайтесь, интригуйте! И если она будет в ударе, он даже пригласит ее к себе домой — на ее машине, разумеется, чтобы заняться сексом. После чего он с удовольствием с ней выпьет и — если, конечно, не слишком устанет — проводит до двери. А дальше пусть добирается до дома сама.

Так просто и буднично, никаких привязанностей. Никаких обязательств, впрочем, их никто и не ждал.

Кэти подняла глаза, ища в толпе Роба и жалея, что предложила встретиться именно здесь. Музыка звучала слишком громко, перекрывая высокие голоса и неестественный смех толпы. Она разглядывала лица, окружавшие ее, такие разные и такие похожие, искаженные откровенной похотью.

— Да ведь это Кэти! — раздался позади нее незнакомый мужской голос.

Вздвогнув, Кэти повернулась и увидела самоуверенно улыбающегося мужчину. Она отметила хорошо сшитый блейзер, великолепный галстук и пуговицы на рубашке от Леже.

— Мы познакомились две недели назад в супермаркете.

У него были живые ухмыляющиеся глаза. Кэти насторожилась, и ее улыбка стала немножко натянутой.

— Привет, Кен, рада снова тебя видеть.

— Слушай, Кэти! — воскликнул он, как будто ему в голову пришла совершенно оригинальная идея. — Почему бы нам не удрать отсюда и не найти место, где немного поспокойнее?

Его квартира или ее. Та, которая ближе. Кэти знала заведенный порядок, и это вызывало у нее отвращение.

— Что ты имеешь в виду?

Он не ответил на вопрос. Вместо этого он задал другой:

— Где ты живешь?

— В нескольких кварталах отсюда — на Виллидж-Грин. Соседки — две лесбиянки, — храбро солгала она.

Он поверил, но шокирован не был:

— Не шутишь? Это тебя не напрягает?

Кэти посмотрела на него широко открытыми невинными глазами:

— Я обожаю их.

Его лицо на миг исказилось гримасой отвращения, а Кэти еле сдержала смех.

— Жаль. Еще встретимся.

Кэти наблюдала, как Кен слонялся по бару, затем он увидел кого-то и исчез, протискиваясь через толпу.

Ну, с нее довольно, сыта по горло. Кэти коснулась руки Карен, отвлекая ее от оживленной беседы с двумя интересными мужчинами о лыжных гонках в Колорадо.

— Карен, я зайду в дамскую комнату и после этого уйду!

— Роб так и не объявился? — рассеянно спросила Карен.

— Я ухожу, — с тихой решительностью ответила Кэти.

Карен только пожала плечами и вернулась к собеседникам и лыжам.

Дамская комната находилась за баром, и Кэти пришлось поработать локтями, продираясь сквозь толпу. Наконец она облегченно вздохнула, преодолев последние преграды. В безлюдном коридоре было потише. Роб так и не пришел. Кэти не знала — радоваться или огорчаться этому. Восемь месяцев назад она была безумно, страстно увлечена им, его умом, его ироничной нежностью. У него было все: прекрасная внешность, обаяние, шарм и надежное будущее главы одной из крупнейших в Сент-Луисе акционерной брокерской фирмы. Он был и красивым, и благоразумным, и вообще замечательным. Но... женатым.

Кэти вспомнила их последнее свидание, и ее лицо исказилось от боли. После изумительного вечера в ресторане они вернулись в ее квартиру и выпили. Часами она думала о том, что произошло потом. Он заключил ее в объятия, взял на руки. В ту ночь, впервые, она не собиралась останавливать Роба, если его попытки зайдут слишком далеко. В течение последних месяцев он сотни раз говорил ей, что любит ее. Она поверила. Но у нее хватило решимости изменить их отношения, после того как Роб откинулся на софу и обреченно вздохнул: «Кэти, завтра в светской хронике появится статья обо мне. И не только обо мне, но и о моей жене, о сыне. Я женат».

Ошеломленная Кэти потребовала, чтобы он никогда не звонил ей и не пытался встречаться. Он пытался неоднократно. Кэти упорно не отвечала на его звонки на работу и вешала телефонную трубку дома, как только слышала его голос.

Это было пять месяцев назад, и только однажды Кэти позволила себе горьковато-сладкое наслажде-

ние подумать о нем. Только несколько дней назад она наконец-то поверила, что полностью освободилась от него. Но когда в среду услышала по телефону знакомый до боли голос Роба, это заставило ее задрожать всем телом. «Кэти, не вешай трубку. Все изменилось. Нам необходимо встретиться и поговорить».

Ему не понравилось место встречи, которое выбрала Кэти, но она настояла на своем. Гостиница «Глубокое ущелье» шумная и многолюдная, там легко погасить его нежную настойчивость, если эта настойчивость входит в его намерения. К тому же каждую пятницу сюда приходила Карен, и в крайнем случае Кэти рассчитывала на ее поддержку.

Дамская комната была полна, и Кэти пришлось подождать. Она вышла через несколько минут, рассеянно ища в сумочке ключи от машины.

У входа в бар была толпа, и Кэти пришлось остановиться. Мужчина, стоящий рядом с ней около телефона-автомата, вдруг спросил ее с легким испанским акцентом:

— Извините, вы не могли бы назвать адрес этого места?

Кэти повернулась, чтобы взглянуть на высокого, гибкого мужчину, который смотрел на нее с едва заметным нетерпением.

— Вы это мне? — поинтересовалась Кэти.

Его лицо было бронзовым от загара, волосы — густыми и такими же черными, как глаза цвета оникса. Он был одет в потертые джинсы и белую рубашку с закатанными рукавами. Незнакомец явно не принадлежал к обычным здешним постояльцам, которые всегда напоминали Кэти смесь коммивояжера и компьютера. Он был слишком... естественным.

— Я спросил, — повторил он с испанским акцентом, — не могли бы вы назвать адрес этого места? У меня сломалась машина, и я пытаюсь вызвать техпомощь.

Кэти машинально проговорила названия двух улиц, на углу которых находилась гостиница, проигнорировав узкие черные глаза и аристократический нос на надменном лице. Высокие смуглые иностранцы с тяжелым мужским запахом, может, и привлекали некоторых женщин, но только не Кэтрин Конелли.

— Спасибо, — ответил он ей и повторил в трубку названия улиц, которые сообщила ему Кэти.

Повернувшись, Кэти уперлась лицом в чей-то темно-зеленый свитер, натянутый на мускулистую грудь, которая загораживала ей путь в бар.

— Позвольте пройти!

Мужчина услужливо пропустил ее к дверям.

— Куда это ты? — дружелюбно спросил его владелец. — Еще так рано.

Кэти подняла глаза и увидела широкую улыбку и нескрываемое восхищение.

— Я знаю, но мне необходимо уехать. Иначе в полночь я превращусь в тыкву.

— В тыкву превратится твоя карета, — поправил владелец свитера. — А вот одежда превратится в лохмотья.

— Второе случается чаще со времен Золушки, — вздохнула Кэти.

— Умная девочка, — одобрил ее собеседник. — Ты Стрелец, не так ли?

— Ошибаешься, — ответила Кэти, извлекая ключи со дна сумочки.

— И какой же твой девиз?

— Медленно и осмотрительно, — бросила она. — А твой?

Он задумался на мгновение.

— С аппетитом, — ответил он многозначительно, откровенно исследуя каждый изгиб ее изящной фигуры. Протянув руку, он слегка коснулся шелковистой ткани платья Кэти. — Мне нравится любить интеллигентных женщин: я не чувствую угрозы с их стороны.

Решительно подавив в себе желание посоветовать ему обратиться к психоаналитику, Кэти вежливо сказала:

— Мне действительно нужно ехать — назначена встреча.

— Счастливчик.

Кэти шагнула в темноту. Ее окатила душная летняя ночь, вызывая чувство одиночества и подавленности. Девушка остановилась у входа под навесом, и ее сердце отчаянно заколотилось: знакомый «корвет» проскочил на красный свет на перекрестке, развернулся и остановился около нее, взвизгнув тормозами.

— Извини, я опоздал, Кэти. Садись. Поедем куда-нибудь и поговорим.

Кэти посмотрела на Роба через открытое стекло машины и почувствовала такую волну страстного желания, что это причинило ей боль. Он все такой же невыносимо привлекательный, и только улыбка, всегда самоуверенная и победная, была теперь какой-то виноватой. Сердце у нее защемило, но она нашла в себе силы возразить:

— Уже поздно. И мне не о чем разговаривать с женатым мужчиной.

— Кэти, поговорим в другом месте. Не обижайся, что опоздал. Очень неудачный перелет, к тому же и в Сент-Луисе задержали посадку. А теперь будь хорошей девочкой — садись в машину. И не надо тратить время на споры, у меня его нет.